

На правах рукописи

Файзуллина Диана Фаридовна

**ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ
ЭЛЕМЕНТОВ КОСТЮМА
(НА МАТЕРИАЛЕ НАСЕЛЕНИЯ ВОЛГО-КАМЬЯ XI–VI ВВ. ДО Н.Э.)**

24.00.01 – теория и история культуры

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Казань
2006

Работа выполнена в Национальном центре археологических исследований
Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан

Научный руководитель: доктор исторических наук
Казаков Евгений Петрович

Официальные оппоненты: доктор исторических наук,
Обыденнова Гюльнара Талгатовна

кандидат исторических наук, доцент
Бурханов Альберт Ахметжанович

Ведущее учреждение: Федеральное государственное образовательное
учреждение высшего профессионального
образования «Казанский государственный
университет им. В.И. Ульянова-Ленина»

Защита состоится «19» декабря 2006 г. в 15.00 часов на заседании
диссертационного совета К 210.005.02 по защите диссертаций на соискание
ученой степени кандидата исторических наук при Государственном обра-
зовательном учреждении высшего профессионального образования
«Казанский государственный университет культуры и искусств» по адресу:
420059, г. Казань, Оренбургский тракт, 3, ауд. 302.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Казанского го-
сударственного университета культуры и искусств.

Автореферат разослан « 14 » ноября 2006 г.

Электронная версия автореферата размещена « 14 » ноября 2006 г. на офи-
циальном сайте Казанского государственного университета культуры и ис-
кусств. Режим доступа: <http://www.kazguki.ru>

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук, доцент

А.П. Иванова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Костюм доиндустриальных обществ является одним из интереснейших культурных феноменов в истории человечества. Древний костюм отражал представления человека о мироздании, являлся показателем включенности человека в мир культуры. В современном индустриальном человеке теряется «способность объемного многомерного интуитивного восприятия мира»¹. Отсюда все возрастающий интерес к древним традиционным культурам, стремление приобщиться к гармоничному мироощущению, единению макро и микрокосма, свойственному древним.

В современный век культурной глобализации растет также стремление каждого народа сохранить неповторимость своей культуры, запечатлеть ее особенности. Традиционный костюм является одним из наиболее массовых и близких человеку элементов национальной культуры. Усиливающийся интерес к своему традиционному костюму, который воспринимается как памятник культуры, как этнический символ, выражающий менталитет нации, проявляется в сферах науки, искусства и образования, а также в туристическом бизнесе, в широком использовании костюмов при проведении различных праздников и торжеств, в открытии кружков изучения народного костюма и вышивки. Фольклорный и этнический стили в моде остаются популярными до настоящего времени, поскольку любое изменение моды позволяет почерпнуть из богатой сокровищницы народного искусства то, что точно совпадает с требованием времени.

Территория Волго-Камья с древнейших времен являлась местом соединения различных этнокультурных традиций, здесь формировались истоки материальной и духовной культуры финно-угорских, тюркских и славянских народов, закладывались основы их костюмных комплексов.

Эпоха финальной бронзы и раннего железного века (РЖВ) играет особую роль в изучении прошлого современных народов. Именно в то время была заложена основа для оформления современной этнокультурной карты Евразии. Территорию Волго-Камья в конце II – I половине I тысячелетия до н.э. населяли племена, ставшие, по мнению большинства исследователей, этнической основой формирования многих народов финно-пермского и угорского мира. Этот мощный древний культурный пласт оказал сильное влияние на всю последующую культурную историю Среднего Поволжья в ее материальном и духовном измерении. Однако племена, обитающие в лесной и лесостепной полосе Восточной Европы, оказались «белым пятном» на «костюмной» карте Евразии, в то время как степень изученности костюма народов степной полосы Евразии раннего железного века достаточно высока.

Степень разработанности проблемы. В изучении древнего костюма населения Волго-Камья можно выделить две линии: одна представлена исследованиями археологов, занимающихся культурами ананьинской культурно-

¹ Головнев, А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров: моногр. / А.В. Головнев. – Екатеринбург, 1995. – С.6.

исторической области (АКИО); вторая – работами этнографов, посвященными одежде финно-угорских народов и поискам ее древних истоков.

Изучение ананьинской культуры начинается с открытия в 1856 году И.В. Шишкиным неподалеку от города Елабуги знаменитого Ананьинского могильника, раскопанного в 1858 году и давшего впоследствии название археологической культуре раннего железного века в Волго-Камье. Так как украшения и элементы костюма составляли существенную часть инвентаря древних погребений, они всегда попадали в поле зрения исследователей-археологов и изучались в рамках истории материальной культуры. Первая попытка реконструировать облик одежды населения ананьинской культуры была сделана еще в самом начале XX века. М.Г. Худяков² упоминает попытку реконструкции «одежды ананьинского племени» В.Ф. Кудрявцевем в «Памятной книжке Вятской губернии» 1902 года.

С 30-х годов XX проводятся широкие полевые исследования предананьинских и ананьинских памятников. Начиная с 1938 по 2001 год было открыто и обследовано 43 могильника. Это позволило собрать значительные сведения о древнем костюме. Отдельные вопросы, связанные с хронологией и типологией украшений и элементов костюма поднимали в своих работах М.Г. Худяков, А.В. Збруева, А.Х. Халиков, Е.А. Халикова, В.Ф. Генинг, В.С. Патрушев, Е.П. Казаков, М.Ф. Обыденнов, К.И. Корепанов, В.Н. Марков, В.А. Иванов, С.В. Кузьминых, С. Н. Коренюк, А.А. Чижевский и др.

В 1952 г. вышла обобщающая работа А.В. Збруевой³, где реконструкция костюма была посвящена отдельная глава. А.В. Збруева впервые привлекла для реконструкции типов одежды новый изобразительный источник – глиняную пластику с позднеананьинских городищ и выделила на основе ее типы женской одежды и основные элементы костюма; обратилась к этнографическим параллелям, связывая отдельные элементы женского костюма со средневековыми и более поздними удмуртскими древностями. Мужской костюм исследовательница включила «в круг широко распространенной в то время одежды скифского типа, приспособленной к верховой езде».

Первая развернутая типология ананьинских украшений и составляющих элементов ананьинского костюма, основанная на обширных материалах Старшего Ахмыловского могильника, была предложена В.С. Патрушевым⁴. На материале «богатых погребений» Аkozинского и Старшего Ахмыловского могильников были созданы графические реконструкции.

Интерес к ананьинскому костюму в археологических исследованиях чаще всего ограничивался анализом отдельных украшений, их типологией и хронологией. Реконструкции выполнялись с использованием наиболее ярких комплексов, по отдельным могильникам. Причем реконструировался набор укра-

² Худяков, М.Г. Ананьинская культура / М.Г. Худяков // Казанский губернский музей за 25 лет. – Казань, 1923. – С.97.

³ Збруева, А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху / А.В. Збруева. – М., 1952.

⁴ Патрушев, В.С. Марийский край VIII–VI вв. до н.э./ В.С. Патрушев. – Йошкар-Ола, 1984.

шений, а не собственно элементы костюма. Специальных работ, посвященных комплексному исследованию ананьинского костюма, не было.

Вторую линию в исследовании истории костюма Волго-Камья представляют труды этнографов. Изучая костюм финно-угорских народов, они пытались выявить древние пласты в костюмных комплексах и истоки некоторых наиболее архаичных элементов костюма (В.Н. Белицер, Н.И. Гаген-Торн, Т.А. Крюкова, К.И. Козлова, Т.Л. Молотова, Л.А. Молчанова и др.).

Современный этап изучения традиционного костюма можно назвать культурологическим. В последние десятилетия XX века в российской этнологии усилился интерес к духовной культуре, как древних, так и современных этносов. Традиционный костюм рассматривается как сложный культурный феномен, тесно связанный с человеком и его мировоззрением. Появились работы этнологов и культурологов, рассматривающих костюм как семиотическую систему.

Такой подход к традиционной культуре оказал влияние на археологов. Формируется целое направление в археологии, названное «семиотической археологией». Исследователи синтезируют в своих работах данные археологии, этнологии, фольклора, истории и языкознания, чтобы наиболее полно реконструировать духовный мир древнего общества. Такой комплексный культурологический подход к изучению археологического костюма отличает работы З.В. Доде, Н.Б. Крыласовой, А.Н. Павловой, Э.Р. Усмановой и др.

Таким образом, имеет место противоречие между общественной потребностью в визуализации прошлого и изучении истоков традиционного костюма Волго-Камья с одной стороны и отсутствием культурологических исследований древнего костюма данного региона с другой.

Назрела проблема комплексного изучения и реконструкции костюма населения Волго-Камья XI–VI вв. до н.э.:

- с позиций современных подходов к исследованию костюма;
- обобщив весь комплекс источников и привлекая последние археологические, этнографические и изобразительные материалы;
- на основе новых взглядов на культурно-историческую ситуацию в Волго-Камье в эпоху финальной бронзы и раннего железного века (выделение маклашеевской культуры, деление АКИО на ряд самостоятельных археологических культур);
- учитывая семиотические аспекты и особенности функционирования костюмных комплексов в традиционных обществах.

Объект исследования – костюм доиндустриальных обществ.

Предмет исследования – элементы костюма населения Волго-Камья эпохи финальной бронзы и раннего железного века как начальная точка формирования традиционного костюма народов финно-угорской языковой семьи.

Целью работы является комплексное изучение и историко-культурная реконструкция элементов костюма населения Волго-Камья XI–VI вв. до н.э.

Для достижения основной цели работы необходимо решить следующие задачи:

- 1) характеристика основных типов источников для реконструкции костюма;

2) определение основных материалов для изготовления элементов костюма;
3) анализ изобразительных источников и определение общего характера одежды;

4) выявление и характеристика основных элементов одежды и комплекса шейно-нагрудных и поясных украшений;

5) реконструкция форм головных уборов и комплекса головных украшений;

6) определение места костюма населения Волго-Камья XI–VI вв. до н.э. в общей традиционной линии развития финно-угорского костюма.

Хронологические и тематические рамки исследования. Нижняя хронологическая граница исследования (XI в. до н.э.) совпадает с началом эпохи финальной бронзы для Волго-Камья и появлением памятников маклашеевской археологической культуры. Ранний железный век (РЖВ), начавшийся на исследуемой территории в IX в. до н.э., связан с памятниками ананьинской археологической культуры. В своем исследовании мы придерживаемся концепции В.Н. Маркова, С.В. Кузьминых, А.А. Чижевского, считающих ананьинскую археологическую культуру *ананьинской культурно-исторической областью (АКИО)*, включающей несколько отдельных культур, не связанных общностью происхождения: постмаклашеевскую, акозинскую, «классическую» ананьинскую культуру шнуровой керамики и культуру гребенчато-шнуровой керамики.

Из них наиболее крупной является та, которая сформировалась на позднебронзовой маклашеевской основе (*постмаклашеевская культура*). Памятники этой группы занимают участок Средней Волги до среднего течения р. Кама с максимальной концентрацией в ее приустьевых районах. На рубеже VI–V вв. до н.э. постмаклашеевское население покинуло пределы Нижней Камы; эта дата является верхней хронологической границей исследования.

Источниковая база включает следующие типы исторических источников: археологические, изобразительные и этнографические. Основным источником для реконструкции костюма обозначенного времени являются археологические материалы могильников – остатки предметов костюма из древних погребений и жертвенных комплексов (ЖК). В работе использованы материалы 49 могильников (более 2500 погребений), относящихся к предананьинской и ананьинской культурно-историческим областям.

Вторым типом источников являются изобразительные материалы, которые подразделяются нами на пять групп. Это: 1) изображения людей на каменных стелах, 2) бронзовые «идольчики» из погребений, 3) глиняные статуэтки с городищ и поселений позднеананьинского времени, 4) антропоморфные изображения на костяных изделиях, 5) изображения элементов костюма на орудиях труда и украшениях. В связи с ограниченным количеством изобразительных материалов, данная группа источников сознательно (культурно, хронологически и географически) расширена. Для исследования взяты материалы, относящиеся не только к постмаклашеевской археологической культуре, но ко всей АКИО в хронологическом диапазоне IX–IV вв. до н.э.

Большое значение имеют сопоставления с этнографическим костюмом современных финно-угорских народов, сохранившим многие архаичные элемен-

ты. Так как разные исследователи видят в АКИО финно-пермскую, прибалтийско- и поволжско-финнскую, угорскую, восточно-финскую этнические основы, могут быть привлечены этнографические материалы широкого круга финно-угорских народов, в первую очередь проживающих на территории Среднего Поволжья и Приуралья (мари, мордва, удмурты, коми, пермяки, ханты и манси, эстонцы, финны и др.).

Методологическую и теоретическую основу исследования составили, прежде всего, работы последних лет в области изучения древнего и традиционного костюма: С.А. Яценко⁵ (концепция историко-культурной реконструкции костюма на основе комплексного подхода), З.В. Доде⁶ (типология реконструкций: аутентичная, аподиктическая и гипотетическая), С.П. Исенко⁷ (выделение «этнокостюмологии» как культурологической дисциплины). Также основой диссертационной работы стали фундаментальные труды: археологов, рассматривающих проблемы происхождения и функционирования культур РЖВ (А.В. Збруева, А.Х. Халиков, В.С. Патрушев, В.Н. Марков, С.В. Кузьминых, С.Н. Коренюк, А.А. Чижевский); этнографов, выявивших закономерности и особенности функционирования костюма в традиционных культурах (Б.А. Куфтин, Н.И. Гаген-Торн, В.Н. Белицер, Л.В. Сычев, О.А. Сухарева, Л.А. Молчанова); философов и культурологов, изучающих особенности мифологического сознания (Е.М. Мелетинский, Д.С. Раевский, В.Н. Топоров) и семиотические аспекты функционирования вещей в традиционных обществах (П.Г. Богатырев, Б.А. Рыбаков, А.К. Байбурин).

Исследование базируется на принципах историзма, в целом использовались компаративный, историко-типологический, историко-генетический, структурно-функциональный методы исследования, метод ретроспекций; для решения конкретных задач применялись методы математической статистики и картографирования.

Методика реконструкции отдельных элементов костюма и их семантики разрабатывалась на основе работ М.А. Сабуровой, В.Ф. Генинга, Ю.А. Краснова, Н.Б. Крыласовой, Т.В. Мирошиной, А.Н. Павловой и др.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые проведен совокупный комплексный историко-культурный анализ элементов костюма населения Волго-Камья эпохи финальной бронзы и раннего железного века. При этом:

- в научный оборот введены и интерпретированы новые материалы археологических раскопок Мурзихинских могильников;

⁵ Яценко, С.А. Костюм ираноязычных народов древности и методы его историко-культурной реконструкции: автореф. дис. ... д-ра ист. наук / С.А. Яценко. – М., 2002.

⁶ Доде, З.В. Костюм как репрезентация историко-культурной реальности: к вопросу о методе исследования / З.В. Доде // Структурно-семиотические исследования в археологии. Том 2. – Донецк, 2005. – С.305–330.

⁷ Исенко, С.П. Этнокостюмология в контексте современной культуры: автореф. Дис. ... д-ра культурологии / С.П. Исенко. – М., 1999.

- выделен маклашеевский костюмный комплекс (дана типология украшений и элементов костюма) и прослежено развитие маклашеевских костюмных традиций в постмаклашеевское время;
- выделены новые типы головных уборов, шейно-нагрудных украшений, аксессуаров;
- дана графическая реконструкция основных элементов костюма населения Волго-Камья XI–VI вв. до н.э.;
- выявлены декоративные принципы построения ряда элементов костюма и их семантическая нагрузка.

Теоретическая и практическая значимость. Материалы исследования могут использоваться для разработки соответствующих разделов учебных курсов «История костюма», «История культуры народов Среднего Поволжья», «Археология». Графические реконструкции могут быть использованы для энциклопедических и учебных пособий по истории и культуре Среднего Поволжья, разработки экспозиций музеев и тематических выставок, использоваться модельерами для создания театральных, сценических костюмов и современной одежды в этническом стиле. Графическая база данных, представленная в исследовании, позволит археологам идентифицировать и провести атрибуцию археологических материалов по предананьинскому и ананьинскому времени.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы работы были представлены автором на региональных, общероссийских и международных конференциях: в Кирове (2002), Болгарах (2002), Муроме, (2003), Москве, (2004), Биллярске (2004), Казани (2006), а также изложены в пяти опубликованных автором работах общим объемом около двух с половиной печатных листов. Материалы исследования применялись автором в преподавании курсов «История культуры народов Среднего Поволжья» и «Мифология», при создании учебного фильма «Ранний железный век. Ананьинские племена», для создания графических реконструкций к статье «Ананьинская культура» в Татарской энциклопедии (I том), для создания проекта экспозиции музея археологии Института истории им. Ш. Марджани. Методические разработки по исследованию костюма древних культур использовались студентами Казанского государственного университета культуры и искусств (КГУКИ) при написании дипломных проектов.

Положения, выносимые на защиту:

- 1) На основе комплексного изучения всех имеющихся материалов, используя новые методы «палеокостумологии» в изучении древнего костюма можно в общих чертах реконструировать костюм населения Волго-Камья XI–VI вв. до н.э.
- 2) Мужская одежда менее традиционна и устойчива, поэтому в эпоху раннего железного века находилась под влиянием доминирующих культур Евразии: предскифской и скифской, и входила в круг широко распространенной космополитичной военной субкультуры той эпохи. Не исключена вероятность наличия сибирских таежных традиций изготовления промысловой одежды. Присутствие в мировоззрении ананьинцев идеологии шаманского типа опре-

деляло наличие специального ритуального костюма, запечатленного в изобразительных материалах, имеющих сакральную направленность.

3) Женская одежда более традиционна и устойчива, многие элементы женского костюма имели высокий семиотический статус, обладали магическими функциями, и поэтому могут быть прослежены с древних времен до этнографического времени.

4) Наиболее ярким и значимым элементом костюма был головной убор, отличающийся, особенно у женщин, большим разнообразием и сложностью. Головные уборы выступали маркерами половозрастных и социальных изменений женского населения.

5) В эпоху финальной бронзы и в раннем железном веке закладываются основы костюма финно-угорского населения Волго-Камья, композиционный строй и семантическая нагрузка составляющих его элементов.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы (215 источников), списка сокращений и приложения с графическими материалами (46 рисунков, 370 графических реконструкций и аналогий). В приложении даются графические реконструкции отдельных элементов костюма, скомпонованные по типам: головные уборы и височно-затылочные украшения; шейно-нагрудные украшения; поясные украшения. Каждому типу костюмного элемента приведены этнографические и археологические аналоги. Иллюстрации выполнены студенткой отделения декоративно-прикладного искусства КГУКИ Е.Н. Тимофеевой. Эскизы стилизованных костюмов созданы студенткой отделения декоративно-прикладного искусства КГУКИ А.А. Гайнутдиновой. Отдельные реконструкции выполнены художником Р.Р. Садыковым.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обосновывается актуальность темы; определяется объект и предмет исследования, его хронологические и территориальные рамки; анализируется степень изученности проблемы и дается характеристика источниковой базы; формулируются цели и задачи работы, научная новизна и практическая значимость исследования.

Первая глава **«Теоретико-методологические основания и источниковая база исследования»** состоит из двух параграфов. В первом параграфе *«Основные принципы современной палеокостюмологии и методы реконструкции»* рассмотрены теоретические и методологические аспекты реконструкции костюма традиционных культур. Изучаемая тема находится на стыке нескольких дисциплин – археологии, этнографии и искусствоведения. В каждой из этих дисциплин интерес к костюму традиционный и давний. На современном этапе развития гуманитарных наук традиционный костюм рассматривается как уникальный культурно-исторический источник, постепенно выделяясь в отдельный объект междисциплинарных изысканий. Поэтому все чаще исследование древнего костюма проходит в рамках культурологической дисциплины, тре-

бующей от исследователя широких культурно-исторических знаний и комплексного подхода. Этнологами уже выделена отдельная дисциплина «этноко-
стюмология» (С.П. Исенко). Постепенно вводится в научный оборот и термин «палеоко-
стюмология» (С.А. Яценко). Принципы этно- и палеокостюмологии во многом сходны, однако палеокостюмология имеет дело со специфическим типом источников и должна решать вопросы, связанные с проблемой предварительного «перевода» со специфического «языка вещей» мертвой культуры (вопрос о соотношении бытового и погребального костюма, конкретные методики реконструкции костюма на основе разных типов источников).

В русле нового подхода к исследованию древнего костюма, в первую очередь, выделяются работы С.А. Яценко и его *концепция историко-культурной реконструкции древнего костюма, основанная на комплексном подходе*. Данная концепция легла в основу нашего диссертационного исследования. Основные принципы: использование всех видов источников; рассмотрение всех основных предметов костюма как единого костюмного комплекса; рассмотрение костюмных комплексов на фоне как синхронных соседних, так и более ранних и более поздних, вплоть до этнографической современности; анализ эволюции элементов костюма.

З.В. Доде рассматривает древний костюм как «текст», в пространстве которого можно выделить четыре уровня информации: сенсуально-рационалистический, семиотический, культурологический, исторический. Но до начала интерпретации информационного содержания костюма, необходимо восстановить целостность костюма, то есть его реконструировать. Основываясь на характере и количестве источников для реконструкции, З.В. Доде выделяет *три типа реконструкций*: аутентичную, аподиктическую и гипотетическую. При отсутствии системообразующей основы костюма – одежды, для восстановления которой нет достоверных источников, речь может идти только о гипотетической реконструкции. Необходимость графической реконструкции «археологического» костюма, пусть даже гипотетической, обоснована тем обстоятельством, что «костюм является визуальным объектом, создаваемым человеком для зрительного восприятия»⁸. Реконструкция костюма населения Волго-Камья XI–VI вв. до н.э. относится нами к гипотетическому типу реконструкций.

Историко-культурная реконструкция костюма невозможна без знания особенностей функционирования костюмных комплексов в традиционном обществе. В первую очередь этими проблемами занимались российские исследователи-этнографы, разработавшие классификацию и типологию одежды, головных уборов, костюмных элементов и обнаружившие закономерности их эволюции в зависимости от хозяйственно-культурных типов (Б.А. Куфтин, Н.И. Гаген-Торн, Л.В. Сычев, О.А. Сухарева). Некоторые современные исследователи придерживаются мнения, что покрой одежды и другие черты во многом

⁸ Доде, З.В. Костюм как репрезентация историко-культурной реальности: к вопросу о методе исследования / З.В. Доде // Структурно-семиотические исследования в археологии. Т.2. – Донецк, 2005. – С.307.

формируются не в рамках этноса, а в пределах региона; Л.А. Молчанова⁹ объединяет удмуртский, марийский, чувашский, мордовский, бесермянский костюмы в «Волго-Вятский костюмный стиль» и определяет его общие черты; В.Н. Белицер¹⁰ выделяет три культурных пласта в формировании костюмных комплексов народов Среднего Поволжья и связывает наиболее древний пласт с древней финно-угорской общностью.

П.Г. Богатыревым¹¹ предложено рассмотрение структуры народной одежды в качестве своеобразного языка культуры, как особого вида семиотической системы, А.К. Байбури¹² заявил о «высоком семиотическом статусе бытовой вещи» и духовных аспектах функционирования вещей в традиционных культурах. В рамках такого подхода обращение к изучению семиотической сферы традиционного костюма, его космологизма, отражающего специфику архаического мифологического миропонимания, вполне закономерно. Б.А. Рыбаков¹³ рассматривает народный костюм как символическое воплощение космологической модели традиционного общества.

При реконструкции костюмных элементов необходимо учитывать и основные факторы, определяющие композицию древнего костюма: композиционные акценты; принципы симметрии и асимметрии; пропорциональные отношения, построенные на соразмерности костюма и человека; колористику и орнаментику, так как мы имеем дело с объектом, рассчитанным на визуальное восприятие. На внутренние границы костюма указывал Г. Земпер¹⁴, выделяя основные горизонтальные линии: венец, ожерелье, пояс, кайму на подоле одежды.

Сходная ориентация различных артефактов АКЮ позволяет использовать общую орнаментальную базу культуры для реконструкции декора одежды. Такое соответствие вполне объясняется особенностями мифологического мышления и «тотальным» структурированием мира на основе мифа.

Методика исследования. Головные уборы и комплекс головных украшений реконструировался по традиционной методике – расположению элементов в погребении *in situ*, широко используемый археологами и подробно описанный в ряде исследований. Нами реконструировалось несколько возможных вариантов головных уборов и головных украшений для каждого погребения, а затем, на основе сравнительно-сопоставительного анализа с материалами предшествующих, синхронных и средневековых археологических культур, этнографических материалов, отбирались наиболее вероятные формы. При этом учитывалось, что головной убор в традиционном обществе выполнял не утилитарные, а, прежде всего, семио-

⁹ Молчанова, Л.А. Орнамент удмуртской традиционной одежды (Опыт структурно-семантического анализа): дис. ... канд. ист. наук / Л.А. Молчанова. – Ижевск, 1999. – С.130.

¹⁰ Белицер, В.Н. Очерки по этнографии народов Коми / В.Н. Белицер. – М., 1958. – С. 284. – (Тр. ин-та этнографии. Новая серия; т.45).

¹¹ Богатырев, П.Г. Вопросы теории народного искусства / П.Г. Богатырев. – М., 1971.

¹² Байбури, А.К. Семиотический статус вещей и мифология / А.К. Байбури // Сб. музея антропологии и этнографии. Т. 37. – М.; Л., 1981. – С.215-226.

¹³ Рыбаков, Б. А. Макрокосмос в микрокосме народного искусства / Б.А. Рыбаков // Декоративное искусство. – 1975. – №1. – С.30-33, 35.

¹⁴ Земпер, Г. Практическая эстетика / Г. Земпер. – М., 1970.

тические функции. Поэтому нельзя строить реконструкцию, основываясь на «здоровом смысле», прагматизме и современных эстетических представлениях, необходимо тщательно следовать археологическому материалу и учитывать особенности мифологического мышления древнего населения. Композиционный строй головного убора также определялся его семантикой.

Для реконструкций возможного кроя и форм элементов одежды использовалась методика, предложенная Н.Б. Крыласовой¹⁵: 1) анализ фрагментов органических материалов для определения материала одежды; 2) изучение древние изображений, чтобы представить в общих чертах облик одежды; 3) обращение к этнографическому материалу. В нашем исследовании мы предположили, что характерные общие элементы для костюма финно-угорских народов в зачаточной форме могли присутствовать в костюме населения Волго-Камья XI–VI вв. до н.э. и попытались восстановить их на основе археологического и изобразительного материалов. Важным моментом культурно-исторической реконструкции является рассмотрение элементов костюма в их эволюции и развитии. Поэтому, где это было возможно, мы прослеживали развитие той или иной формы костюмного элемента с эпохи бронзы до этнографического материала. Для нас было важно выявить преемственность, если она имелаась, в развитии основных черт финно-угорского костюма и определить эпохальные, заимствованные и этноопределяющие элементы.

Взяв за основу ряд «богатых» костюмных комплексов из погребений Полянско-го II, Луговского, Морквашинского, Тетюшского и Мурзихинских могильников, привлекая весь комплекс этнографических, археологических и изобразительных источников, связанных с финно-угорскими древностями, учитывая свойственные одежде раннего железного века «эпохальные» черты, было создано девять целостных гипотетических реконструкций костюмных комплексов.

Во втором параграфе «*Типы источников и их характеристика*» анализируется источниковая база для реконструкции костюма. Для нашего периода выделяется три типа источников: археологические, изобразительные и этнографические.

Основным типом источников для реконструкции элементов костюма являются материалы раскопок подкурганых и грунтовых могильников с труположением и расположением элементов костюма в порядке ношения. К настоящему времени известно 49 могильников, относящихся к маклашеевской археологической культуре и АКЮ, насчитывающих более 2500 погребений. К маклашеевской культуре относится 12 могильников. К могильникам эпохи финальной бронзы и раннего железного века, содержащим маклашеевские и постмаклашеевские погребения, относятся 5 могильников. Инвентарь маклашеевских могильников малочисленный. В погребениях встречаются обычно лишь отдельные украшения (чаще всего височные кольца и подвески). Наиболее «богатые» элементами костюма погребения содержатся в Мурзихинском II и Полянском II могильниках. К постмаклашеевским памятникам относятся 14 могильников. Основной материал для реконструкции постмаклашеевского костюма дают Морквашинский, Тетюшский, Луговской и Мурзихинские мо-

¹⁵ Крыласова, Н.Б. История прикамского костюма / Н.Б. Крыласова. – Пермь, 2001. – С.11.

гильники. Также привлекались материалы поселений и городищ. Совпадение в нескольких случаях орнамента на керамике и элементах головного убора позволили использовать орнаментальную базу ананьинского инвентаря (керамики, костяных и бронзовых орудий) для реконструкции возможного декора костюма населения Волго-Камья XI–VI вв. до н.э.

Для выявления возможных истоков возникновения тех или иных элементов костюма привлекались материалы археологических культур эпохи бронзы (культуры андроновидного и карасуковидного круга, ирменская, абашевская). Для поиска аналогий использовались материалы синхронных культур лесной и степной зон Евразии (прежде всего предскифская и скифская культуры, дьяковская и поздняя дьяковская, а также культуры эпохи финальной бронзы и раннего железного века Кавказа). Для исследования эволюции отдельных элементов костюма привлекались археологические материалы пьяноборской и азелинской эпох, средневековых древностей поволжских и пермских финнов. Археологические источники для нашего периода фрагментарны и содержат лишь элементы декора одежды, не давая представления об общем характере костюмного комплекса, они не содержат непосредственно историко-культурной информации, для получения ее требуется предварительный «перевод» с языка «мертвой культуры».

Представление о характере костюма можно получить по изобразительным источникам, которые по характеру изображений и материалу изготовления делятся нами на пять групп. В первую группу включены два человеческих изображения на каменных стелах с Ананьинского могильника. Традиции установки каменных стел связываются учеными с представлениями о камнях – вместилищах духов военных вождей. В одной из работ В.Н. Марковым¹⁶ были высказаны сомнения в подлинности большой стелы из Ананьинского могильника. Одним из аргументов исследователя было несоответствие одежды скифского покроя на изображенном человеке одежде оседлого населения, занимающегося в основном охотничье-рыболовным хозяйством, известной по этнографическим материалам и резко отличающейся от кочевнической. Однако совпадение характера одежды на стеле и на бронзовых идольчиках из Старшего Ахмыловского могильника позволяет не согласиться в данном случае с В.Н. Марковым.

Во вторую группу включаются бронзовые «идольчики» из погребений Старшего Ахмыловского могильника. Изготовление «идольчиков» носило явно сакральный характер, поэтому изображенная одежда могла сильно отличаться от одежды, бытовавшей в то время среди населения Волго-Камья.

Третью группу составляют глиняные антропоморфные фигурки с позднеананьинских и раннепьяноборских городищ и селищ, на которые обратила внимание еще А.В. Збруева. Повторяющиеся элементы, изображенные на фигурках, и их соответствие в ряде случаев другим изобразительным, этнографическим и археологическим материалам, позволяют привлечь их для реконструк-

¹⁶ Марков, В.Н. Некоторые результаты исследования каменной стелы с изображением из Ананьинского могильника / В.Н. Марков // Памятники древней истории Волго-Камья. – Казань, 1994. – С.88-93.

ции отдельных элементов женского костюма и определения его композиционного строя.

Четвертая группа представлена двумя изображениями людей в конусовидных головных уборах на костяных изделиях (псалей из погребения 82 Луговского могильника и кочедык из Половинного I селища).

Пятая группа – предполагаемые изображения отдельных элементов костюма на бронзовых, глиняных и костяных украшениях и орудиях труда (трапециевидные поясные подвески, костяные лопаточки–тупики, глиняные «сапожки» и ножки, бронзовые бляшки – сапожок и «нагрудное украшение». Практически все изображения ананьинского времени носят сакральный характер и требуют очень осторожной интерпретации.

Сохранение многих архаичных черт в традиционном этнографическом костюме позволяет привлечь его для реконструкций костюма населения Волго-Камья XI–VI вв. до н.э. Так как все ученые связывает АКИО с финно-угорским миром, привлечены этнографические материалы широкого круга финно-угорских народов, в первую очередь народов Среднего Поволжья и Приуралья. Однако этнографические материалы слишком далеко отстоят в хронологическом плане от исследуемого периода и требуют бережной трактовки.

Таким образом, историко-культурная реконструкция костюма населения Волго-Камья XI–VI вв. до н.э. возможна лишь с привлечением всей совокупности источников, учитывая культурно-хозяйственный тип АКИО и географическо-климатические особенности региона, влияние центров «моды» эпохи раннего железного века Северной Евразии и характер костюмных заимствований, «эпохальные» черты и семиотические аспекты функционирования костюма в архаическом обществе, эстетические принципы и характер художественно-орнаментального строя

Вторая глава «**Основные элементы костюма и характер одежды**» посвящена характеристике нательных элементов одежды, ее декору и украшениям. В первом параграфе «*Материалы для изготовления одежды и элементов костюма*» анализируется культурно-хозяйственный тип населения Волго-Камья эпохи поздней бронзы и РЖВ и определяются основные материалы для изготовления одежды.

Выбор материалов зависел от особенностей хозяйственной деятельности населения Волго-Камья в XI–VI вв. до н.э. и его мировоззренческих установок. Хозяйство ананьинцев носило комплексный характер с преобладанием домашнего скотоводства в центральных районах Волго-Камья на памятниках постмаклашеевского типа, и пушной охоты в таежных районах АКИО. Это определило преимущественное использование шерстяных тканей и кож животных для изготовления одежды, что подтверждается археологическими находками. Фрагменты органики определены специалистами как ткани простого полотняного переплетения, из овечьей шерсти, окрашенные корнями марены в красный цвет. Об умении ананьинцев вить шнуры и веревки свидетельствуют многочисленные шнуровые орнаменты на глиняных сосудах. Из мягких кож типа замши могла изготавливаться верхняя одежда – куртки, кафтаны, промысловая

одежда; а также нагрудники, передники, головные уборы (мужские и женские башлыки и шапки, головные повязки), ремни, обувь, тесемки, ножны. Лесной и лесостепной характер территории АКИО определил активное использование в быту бересты, луба и дерева. Вероятно, элементов костюма, изготовленных из лесного сырья, было существенно больше, чем дошло до нас в археологических материалах. Думается, население АКИО вполне могло изготавливать практически всю фурнитуру костюма (пуговицы, застежки, пряжки) из дерева, но доказательства этого лишь косвенные (обилие леса, явно недостаточное количество для костюма металлической фурнитуры, одиночные находки деревянных изделий). С большой степенью достоверности реконструируются ткани с использованием лубяных нитей. Суровые климатические условия, пушной характер охоты и культа животных (бобра, медведя) предопределяют использование меха животных в изготовлении верхней одежды и декоре костюма, однако в археологических материалах меховой одежды не найдено. Изготовление войлока (что фиксируется по археологическим материалам) указывает на влияние иранских скотоводческих традиций. Предположительно, могли использоваться такие материалы, как рыба́ья кожа и крапивное полотно. Украшения изготавливались преимущественно из бронзы и меди.

Во втором параграфе *«К вопросу о вероятных древних типах кроя одежды»* делается попытка определить характер и особенности одежды населения Волго-Камья эпохи РЖВ. Аутентичная реконструкция покрова одежды ананьинцев по археологическим данным пока невозможна. В таких случаях многие исследователи реконструируют одежду, основываясь на остатках материала в погребениях и сопоставлении изобразительного и этнографического материалов. Этнографы отмечают, что покрой, удачно найденный, приспособленный к бытовым привычкам и к климату, мог не меняться веками. Наиболее архаическими чертами одежды считаются: несложность ранних форм одежды, ограниченность ее видов, крой по прямой нитке – путем разрывания ткани, близость покроев одежды разных полов и возрастов. Для Волго-Камья наиболее древним типом плечевой одежды считается туникообразная рубаха, которая сохраняется в качестве основы костюмного комплекса у большинства финно-угорских народов до XX века. Однако уже в древности появляется распашная одежда в виде холщового или суконного халата либо кафтана, реконструируемая исследователями по материалам средневековых могильников поволжских финнов. Было бы заманчиво довести эту ретроспекцию до эпохи РЖВ и предположить эту же основу костюма для населения АКИО. Однако: 1) у нас нет никаких данных о технике ткачества и ширине ткани в XI–VI вв. до н.э.; 2) неизвестна степень распространенности ткани для изготовления одежды в АКИО (кожаная одежда предполагает несколько иные приемы кроя и формы); 3) многие исследователи связывают распространение в Восточной Европе туникообразного кроя наплечной одежды с кочевниками-скифами; 4) в РЖВ у народов Евразии в обиходе были самые разнообразные типы и формы одежды: «накладные», «распашные», «драпирующие»; 5) этнографические «ретроспекции»

имеют некоторые существенные расхождения с имеющимися изображениями VII–IV вв. до н.э. с территории АКИО.

Мужчины на стелах и идольчиках изображены в короткой обтягивающей одежде, на стелах – в одежде, стянутой поясом; низ одежды спускается спереди острым мысом. Оформление нижней части одежды в виде мыска на идольчиках и большой стеле можно объяснить: 1) изображением особой формы промысловой одежды или ритуального костюма (имеющего параллели с шаманским костюмом с остроугольно заканчивающимся нагрудником); 2) изображением узких разъемных штанов – чулок, подвязанных к поясу или пришитых к короткой куртке; 3) изображением куртки (кафтана) скифского типа. Учитывая, что скифская мужская одежда формировалась как одежда всадника и функционально приспособлена для верховой езды, вполне вероятно, что социальная верхушка ананьинцев, воины-всадники, переняли некоторые элементы костюма скифов. Несоответствие между изобразительными, археологическими и этнографическими материалами можно объяснить существованием различных функциональных типов мужской одежды: военной, промысловой, ритуальной, что и отражено в разных источниках.

О женской одежде в общих чертах можно судить лишь по глиняным статуэткам позднеананьинского времени, на которых фиксируется распахная одежда, передники, нагрудники, пояс, накосники. Косвенно о декоре ананьинского костюма можно судить по орнаменту на трапециевидных подвесках и лопаточках-тупиках, отражающих силуэт с расклешенной юбкой и обязательным поясом, что несколько противоречит более прямому покрою традиционных рубах финно-угорских народов.

Распахной характер маклашеевской одежды можно предположить по расположенным вдоль позвоночника четырем круглым бляхам с ушком (под челюстью, на груди, поясе и колене) в погребении 35 Мурзихинского II могильника. Длина женской одежды условно реконструируется по нашивным бронзовым пластинам в области колен и голеней погребенных из Мурзихинского IV могильника.

В третьем параграфе «Комплекс шейно-нагрудных украшений» рассматриваются формы и типы шейных и нагрудных украшений. А.В. Збруева считала, что нагрудные украшения были «необходимой частью женской одежды»¹⁷ По изобразительным источникам выделяются одно и многоярусные ожерелья, гривны, круглые крупные нагрудные бляхи, сложные нагрудники. Археологические материалы подтверждают наличие всех вышеперечисленных типов шейно-нагрудных украшений.

В маклашеевское время уже выделяются различные типы ожерелий, преимущественно из костяных пронизок. Реконструируются шейные украшения из медных обоймиц, крепившихся на какую-то основу и представлявшие собой отрезной воротник типа «оплечья» или «ошейника». Маклашеевские «оплечья», видимо, развились из нагрудных украшений андроновского и карасукского круга культур, где встречаются сложные нагрудные украшения из брон-

¹⁷ Збруева, А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху / А.В. Збруева. – М., 1952. – С.83.

зовых обоймочек, насаженных на ремни. Основные типы маклашеевских ожерелий продолжают развитие в ананьинское время, однако костяных элементов здесь существенно меньше, а возрастает количество бисера и стеклянных. Ожерелья, скорее всего, носило все женское население АКИО, но они изготавливались из элементов, несохранившихся по условиям залегания в погребениях. На эту мысль наталкивают находки берестяных пронизок, скорлупы орехов, клыков животных в составе ожерелий. Ожерелья отличались разнообразием и вариативностью и, видимо, в силу своей сакральной (магической) функции в каждом случае были индивидуальны.

Шейные гривны не являются традиционным типом украшений для постмаклашеевской культуры, наиболее вероятным исходным центром форм ананьинских гривен исследователи считают Северный Кавказ. Однако еще в маклашеевское время бытуют серповидные гривны из бронзовой пластины с круглыми отверстиями на закругленных концах (Девичий Городок IV, Мурзихинский II). Прототипом данной формы гривны, видимо, послужили серповидные подвески из продольно рассеченных клыков марала и кабана с двумя просверленными отверстиями на концах, которые встречаются с эпохи ранней бронзы на территории юго-восточной Монголии и Восточной Сибири. Развитием этого типа маклашеевских гривен являются шейные пластинчатые медные обручи с отверстиями на концах из Акозинского и Гулькинского могильников ананьинского времени. Серповидные гривны, видимо, связаны с сибирскими культурными традициями эпохи бронзы и не получили развитие в ананьинское время. Шейные гривны из мужского костюма со временем переходят в женский.

Крупные (более 5 см в диаметре) бляхи, находящиеся в районе груди, скорее всего не выполняли практические функции, а являлись украшениями – подвесками либо входили в состав нагрудников, в ряде случаев найдены нити из бисера, за которые подвешивались бляхи-кулоны. Особо выделяются очень крупные (более 10 см в диаметре) бляхи различных типов. Солярный орнамент на большинстве крупных блях и особенности размещения в погребениях указывают на то, что они являлись амулетами, призванными оберегать человека. То, что в ряде случаев на груди располагались зеркала, лишь подчеркивает сакральность этих украшений и связь с солярным культом. На двух глиняных фигурках позднеананьинского времени изображены знаки солнца в области груди. Связь круглого металлического диска – зеркала с солнцем широко известна в более позднее время по этнографическим материалам. Крупные бляхи могли украшать сумочки, которые, вероятно, являлись более распространенным аксессуаром в АКИО, чем считалось ранее. Форма расшитого бисером «нагрудника» с солярной бляхой из погребения 37 Акозинского могильника полностью совпадает с формой средневековых сумочек поволжских финнов, а нож и шило, положенные на грудь погребенной, вписываются в контур «сумочки» и располагаются вдоль ее нижнего окончания. Таким образом, крупные круглые бронзовые бляхи в АКИО явно обладали очень высоким семиотическим статусом, тесно связаны с солярным культом и выступали мощным оберегом. Вероятно, используемые для сакральной защиты, они были поли-

функциональны: украшали грудь женщины или мужчины (у мужчин могли служить защитным доспехом), щит, сумочку.

В маклашеевской культуре известны два нагрудника из 5 крупных круглых блях с ушком на кожаной основе трапециевидной и лопатообразной формы (погребение G Маклашеевского I могильника, погребение 3 Полянского II могильника). Две основные формы маклашеевских нагрудников имеют свое продолжение в последующие века. Так, форма крупной бронзовой трапециевидной накладки из погребения 138 Зуевского могильника совпадает с кожаной основой из Маклашеевского I могильника. Вторую форму нагрудника можно увидеть в погребениях пьяноборского времени. В ананьинское время нагрудники и нагрудные украшения не представлены так ярко, как в пред и после ананьинское. Возможно, это связано с традицией отделки «вышивкой или аппликацией из полосок цветной ткани или кожи»¹⁸, на что косвенно указывает изображение нагрудника на фигурке с Юшковского городища. В Старшем Ахмыловском могильнике нагрудник из бисера имел форму прямоугольника с закругленными концами размером около 20x8 см, соединенный с тройным рядом бисерного ожерелья.

Обилие и разнообразие шейно-нагрудных украшений – характерная черта традиционного финно-угорского костюма, сохраняющаяся в этнографических костюмах большинства финно-угорских народов. В зачаточной форме в ананьинское время представлены практически все типы и виды шейно-нагрудных украшений, получивших развитие в последующие века.

В четвертом параграфе *«Пояса и поясные украшения»* рассматриваются женские и мужские пояса и поясные украшения населения АКЮ. В погребениях маклашеевской культуры остатки поясов не фиксируются, но косвенно о наличии поясов могут свидетельствовать находки бронзовых и каменных ножей в 13 погребениях исключительно в районе пояса мужских костяков. В 5 женских погребениях находились костяные пронизи длиной до 4 см от одного до трех экземпляров в районе колен и голеней, возможно, являющиеся украшениями концов поясов. В ананьинское время фиксируются мужские кожаные пояса шириной до 1,5 см. Наборные пояса из блях и подвесок, сопровождавшие мужские погребения с «богатым» комплектом оружия, относятся к более позднему этапу функционирования постмаклашеевских памятников и связаны со становлением воинской субкультуры. В качестве подвесных элементов к поясу чаще всего встречаются точильные камни «оселки», трапециевидные подвески–приемники с кольцом, каплевидные привески, трапециевидные полые подвески. Большинство подвесных элементов выполняло, вероятно, магические функции. Автор солидарна с В.А. Ивановым¹⁹, что традиция использования наборных поясов в мужском костюме у оседлого населения Волго-Камья является принесенной извне представителями скифо-кавказского (ин-

¹⁸ Збруева, А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху / А.В. Збруева. – М., 1952. – С.83.

¹⁹ Иванов, В.А. Наборные пояса оседлого населения Урало-Поволжья эпохи раннего железного века (к проблеме происхождения и семантики) / В.А. Иванов // Уфимский археологический вестник. Вып.2. – Уфа, 2000. – С.94-97.

доиранского) культурного мира. Первоначально в ананьинской среде наборные пояса выполняют те же функции социальной знаковости, являясь показателем воинского достоинства. В женских погребениях остатки поясов не зафиксированы. Вероятно, в постмаклашеевской культуре женский пояс не являлся элементом, концентрирующим на себе внимание, как это произойдет в последующие эпохи.

Женские передники, набедренные украшения и поясные подвески гипотетически реконструируются лишь по изобразительным материалам и этнографическим ретроспекциям. Возможно, к поясным украшениям относятся круглые бляхи из Ананьинского и Луговского могильников, найденные на бедренных костях погребенных и имеющие параллели с изображением больших кругов на нижней части фигурки из Аначевского городища и такого же диска на боковой части фигурки с городища Серенькино. В кара-абызской культуре крупные круглые бляхи также украшали пояс. Украшением передника или поясной подвески могут быть крупные прямоугольные бронзовые пластины (в двух случаях вырезанные из кавказских боевых поясов) из Мурзихинского IV могильника, хотя остатки кожи, ремешков и пронизей под и рядом с пластинами из погребения 8 указывают на то, что это, скорее всего, украшения сумочек.

В пятом параграфе «Обувь» предпринята попытка реконструкции ананьинской обуви. На основе археологических материалов можно лишь констатировать, что обувь ананьинцев сопровождалась тесемками-ремешками или обмотками, так как пронизы, найденные в погребениях, чаще всего украшали кожаные ремешки. Значительно большей информативностью обладают изобразительные материалы с территории распространения АКЮ. Изображения со стел указывают на мягкую обувь типа сапог или невысоких башмаков. На малой стеле четко выделяются полоска в районе щиколотки и тройная полоса в районе колен. На идолчике из погребения 249 Старшего Ахмыловского могильника четко видны сапожки с узорами на голенище и окантовкой верхней части. Весьма примечательна костяная лопатка-тупик с Буйского городища, по мнению В.С. Шаталова, воспроизводящая формы древней обуви. Судя по резной орнаментации, перед нами невысокая обувь типа поршней, орнамент в виде петель вдоль окружности ступней может рассматриваться как продетый для стягивания ремешков, полукружками с насечками выделяются подъем ноги и задняя пяточная часть; загнутый вверх носок мог получиться из-за прохождения шва по передней части – подъему ноги. Именно такую технику изготовления цельнокроеной кожаной обуви из одного куска сыромятной кожи реконструируют исследователи средневековых могильников поволжских финнов (В.Ф. Генинг, Г.А. Архипов). Надо заметить, что внешний силуэт обуви на буйской лопатке совпадает с силуэтом старинной охотничьей обуви коми – «ком», приспособленной для ходьбы на лыжах и имеющей специальную петельку на носке. Глиняные модели обуви, происходящие из Скородумского кладя и Гремячанского поселения, изображают, вероятно, невысокие мягкие полусапожки. Таким образом, изобразительные данные и материалы могильников указывают на наличие у ананьинцев мягкой цельнокроеной обуви из

кожи типа высоких или низких поршней с завязками. С другой стороны в I тысячелетии до н.э. широко распространяется мягкая детальнокроеная обувь закрытого типа²⁰. Учитывая влияние скифов на костюмный комплекс ананьинских воинов — всадников, можно предположить существование более сложной мягкой обуви у военной верхушки АКИО.

Третья глава «Головные уборы и комплекс височно-затылочных украшений» посвящена реконструкции головных уборов. Головные уборы являются элементом костюма, но рассматриваются нами отдельно из-за специфики источниковой базы, особенностей методики реконструкции и относительной самостоятельности этой части костюма. К тому же головной убор являлся наиболее важной составляющей костюмных комплексов и обладал высоким семиотическим статусом. Естественно предположить, что головные уборы изготавливались из органических материалов. Свидетельством этому являются находки полосок кожи, фрагментов кожаных шапочек и ремешков, ткани, берестяных основ, лубяных нитей. Наибольший интерес представляют находки остатков головных уборов из бересты и ткани из трех погребений Луговского могильника (без металлических деталей). Металлические элементы головных уборов фиксируются примерно в 20 процентах погребений. Последнее, вполне обосновано, позволяет нам предположить, что головные уборы носило практически все население АКИО. Головной убор ананьинского населения представлял собой сложный комплекс, который мог включать различные элементы — венчик, шапочку, полотенчатое покрывало, височные украшения; наконечники, теменные шнуры.

В первом параграфе «*Формы головных уборов*» дается типология головных уборов. С точки зрения визуального художественного образа первостепенное значения для выделения типов головных уборов имеет их форма и элементы убора, акцентирующие на себе внимание. Исходя из этих основных положений в ананьинское время на основе археологического материала могильников и изобразительного материала выделяются три типа головных уборов: головные повязки, круглые шапочки и конусовидные головные уборы. С большой степенью достоверности фиксируется головной убор — повязка или головной убор «ленточного типа». Можно выделить следующие разновидности повязок. Первый вариант: простой кожаный или плетеный тканевый шнурок без каких-либо украшений либо с бронзовыми пронизями или скобковидными украшениями. У ананьинцев данный тип повязок являлся общим для всех категорий населения. Второй вариант: составной венчик — тканевая полоска или кожаный ремень с металлическими, стеклянными и др. нашивными элементами. Это наиболее часто встречающийся вариант повязки в ананьинских погребениях, подробная археологическая типология дана В.С. Патрушевым²¹. С точки зрения композиционного строя выделяются: 1) повязки с нашивными элементами одинаковой формы или одинаковой высоты, равномерно распределенными по всей окружности головы (металлические элементы могут являться расшивкой нижней части шапочки); 2) повязки с более крупной возвышающейся цен-

²⁰ Ключко, Л.С. Скифская обувь / Л.С. Ключко // Сов. археология. — 1992. — № 1. — С. 26-33.

²¹ Патрушев, В.С. Марийский край VIII-VI вв. до н.э. / В.С. Патрушев. — Йошкар-Ола, 1984. — С. 33-42.

тральной частью – подпрямоугольной металлической пластиной (реконструируются как головной убор типа «сороки»; 3) повязки с визуально акцентированным центром в виде круглой бляхи, развивающие маклашеевские традиции украшения головного убора налобной круглой бляхой. Исследователи связывают формирование ананьинских составных венчиков с маклашеевской культурой, однако традиций богатой расшивки металлическими элементами головных повязок в маклашеевской культуре, судя по всему, не было. Венчики из трубчатых пронизок (тип II-2 по типологии В.С. Патрушева) отсутствуют в постмаклашеевских могильниках и, вероятно, связаны с акинзинской, западной культурной традицией.

По материалам погребения 195 Мурихинского II могильника реконструируется круглая шапочка, расшитая голубым бисером. Шапочка принадлежала десятилетнему ребенку и, возможно, имеет параллели с девичьими шапочками последующих веков на территории Волго-Камья. Вероятно, часть головных повязок надевалась на такого же типа простые холщовые шапочки без украшений.

Мы имеем еще одну форму головного убора – конусовидную или усеченно-конусовидную. По изобразительным данным и археологическим материалам Луговского могильника реконструируется мужской конусовидный головной убор типа скифского башлыка, но совмещающий элементы первого и второго типа скифских башлыков и имеющий свои особенности. В центральной части мужские головные уборы украшались отдельной, чаще круглой, бляхой. Возможно, повязка с бляхой надевалась поверх башлыка. Такая композиция ананьинского головного убора связывает его с традициями иранского мира. Форма и размеры бляхи могли указывать на социальный статус.

Реконструируются женские высокие головные уборы на жесткой основе (по материалам Луговского могильника) в виде небольших берестяных колпачков усеченно-конической формы, покрытые тканью, закрепленной в свою очередь двумя венчиками-повязками у основания колпачка и по обхвату головы. Прямым аналогом данного типа является головной убор из средневекового Безводнинского могильника, идентичную форму имеют головные уборы замужних вожанок и чувашские «хушпу» второго типа. Высокие берестяные головные уборы («айшон», «шурка», «панго») широко известны по этнографическому материалу финно-угорских народов Среднего Поволжья и, по всей видимости, имеют своим прототипом именно ананьинские формы, тем самым являясь продолжением единой линии развития. Жесткие берестяные головные уборы появляются, вероятно, под влиянием скифской культуры или продолжают традиции андроновского мира.

Второй параграф *«Височные украшения, накосники и теменные шнуры»* посвящен головным украшениям. В предананьинское и ананьинское время височные украшения являлись одним из наиболее распространенных видов украшений. В маклашеевских височных кольцах еще отсутствует четкое деление на кольца и спирали, как это наблюдается в ананьинское время, где они находят свое завершение в многовитковых спиральных и крупных пластинчатых кольцах. Исключительно маклашеевским типом височных украшений являются «очко-

видные» подвески с загнутыми внутрь спиралями. «Очковидные» подвески со спиральными загнутыми наружу концами отмечены во многих археологических памятниках с эпохи энеолита до средневековья. «Очковидные» подвески маклашеевского типа встречаются гораздо реже. Две различные традиции изготовления «очковидных» подвесок (с внешними и внутренними спиралями) не пересекаются почти ни в одном случае (кроме позднелазовской культуры). Возможно, истоки этого различия нужно искать в разном понимании изначальной символической нагрузки форм данных украшений. Время бытования маклашеевских «очковидных» подвесок ограничивается существованием собственно маклашеевской культуры XI–IX вв. до н. э. В постмаклашеевской культуре традиции изготовления «очковидных» подвесок не развивались.

Новым типом височных украшений аннинского времени являются трубчатые подвески, встречаемые исключительно на памятниках постмаклашеевской культурной традиции. Трубчатые подвески из погребения 121 Тетюшского могильника и височные кольца из погребения 188 Старшего Ахмыловского могильника, возможно, закреплялись на «теменном шнуре».

По изображениям на глиняных фигурках и археологическим материалам Луговского, Морквашинского и Старшего Ахмыловского могильников гипотетически реконструируются затылочные украшения в виде наконечника из нашитых на длинную полосу ткани трубочек-пронизок и затылочных кистей (кожаные ремешки с пронизями), имеющие широкие аналогии в средневековых и этнографических материалах Волго-Камья. Головное украшение из погребения 32 Мурзихинского IV могильника по своему составу и ритмическому построению удивительно точно совпадает с одним из типов наконечников андроновской культурно-исторической общности, и также может быть реконструировано как наконечник.

Таким образом, у населения Волго-Камья XI–VI вв. до н.э. бытовали разнообразные по форме и сложные по составу головные уборы. Наиболее распространенным женским головным убором были венчики, которые дополнялись височными украшениями: кольцами, спиралями, трубчатыми подвесками. По составу венчики разнообразны и индивидуальны, но наиболее устойчивым и типичным для постмаклашеевцев является композиция из центральной бляхи, восьмерковидных накладок и пластинчатых височных колец, закрепленных на кожаной основе. Часть венчиков могла иметь жесткую основу из бересты. Головные уборы выступали маркерами половозрастных и социальных изменений женского населения. Венчики из крупных элементов связаны с захоронением молодых женщин, более мелкие элементы украшают повязки подростков. Возраст и статус определялись, вероятно, размерами элементов, количеством оборотов и составляющих украшений (спиральные кольца, очковидные подвески), материалом изготовления. Можно предположить, что количество элементов головного убора возрастало с каждым годом и постепенно добавлялось и наслаивалось. Также были и качественно новые типы венчиков, которые маркировали обряды перехода в другое возрастное и социальное состояние.

В заключении подводятся итоги проведенного исследования, излагаются основные результаты и намечаются перспективы дальнейшей разработки темы.

СПИСОК РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

1. Файзуллина, Д.Ф. Элементы мужского костюма населения Волго-Камья эпохи раннего железного века (по изобразительным источникам) / Д.Ф. Файзуллина // Культура & общество [Электронный ресурс]: Интернет-журнал МГУКИ / Моск. гос. ун-т культуры и искусств. – Электрон. журн. – М.: МГУКИ, 2006. Режим доступа: <http://www.e.Culture.ru/Articles/2006>, свободный.
2. Файзуллина, Д.Ф. Украшения и предметы одежды маклашеевской культуры / Д.Ф. Файзуллина // Уваровские чтения-V: материалы науч. конф., посвященной 1140-летию г. Муром. – Муром, 2003. – С. 22-28.
3. Файзуллина, Д.Ф. Женский маклашевский костюм: реконструкция и семантика / Д.Ф. Файзуллина // Проблемы Древней и средневековой истории среднего Поволжья: материалы вторых Халиковских чтений. – Казань, 2002. – С. 82-88.
4. Файзуллина, Д.Ф. О формах головных уборов населения Волго-Камья XI–VI веков до н.э. (маклашеевское и постмаклашеевское время) / Д.Ф. Файзуллина // Историко-археологические исследования Поволжья и Урала: материалы третьих Халиковских чтений. – Казань, 2006. – С. 146-155.
5. Файзуллина, Д.Ф. Очковые подвески маклашеевской культуры / Д.Ф. Файзуллина // Чтения, посвященные 100-летию деятельности В.А. Городцова в Государственном Историческом музее: тез. конф. Ч. 2. – М., 2003. – С. 33-36.

**Отпечатано в множительном центре
Института истории АН РТ**

Подписано в печать 15.11.2006. Формат 60×84 ¹/₁₆
Тираж 100 экз. Усл. печ. л. 1,5
г. Казань, Кремль, подъезд 5
Тел. 292-95-68, 292-84-82